

Оно сказывается в стихах, продиктованных воспоминаниями, но не только в них. «Двухсот пятидесятый бой» – свободный вариант новеллы Лондона «Кусок мяса». «На ринге молодость и опыт в открытый спор вступают меж собой». Встреча боксёров описана подробно и спокойно, внимательно и выразительно. Но мастерство Межирова как эпического поэта ещё только формируется.

Высшее «эпическое» достижение Межирова – отрывок из поэмы «Чкалов». Образы и язык поэмы созданы богатой поэтической фантазией и острым художественным видением. Простая повесть, конечно, способна полнее утвердить патетическую идею, чем крикливая декламация. Чкалов рассказывает поэту историю своей гибели. Условная ситуация поэмы открывает глубокую правду характера – возвышенного, сильного и щедрого. «Когда моторы разом замолчали», Чкалов хотел посадить самолёт на крыши домов, чтобы ослабить удар и спасти свою жизнь. Но тут же он представил себе мальчишку, спящего под этой крышей, улыбающуюся мать и – предоставим слово герою:

На полукружье, руки сжав до боли,
Я повернул штурвал своей судьбы, –
И в тот же миг пришпоренное поле
Над плоскостями встало на дыбы.
Все дальше струйка дыма отплывала,
Мальчишка спал, губами шевеля.
Я грудью лёг на полукруг штурвала,
И мне навстречу хлынула земля.
Со всех сторон стремительно и плавно
Она в кабину тесную лилась.
Заплакала в Путивле Ярославна,
И Ольга ей в Москве отозвалась.

Такие стихотворения – условно их можно назвать сюжетными, эпическими – лучшие у Межирова. В них его слог пульсирует лирическим волнением и наполняется лирической силой. Стихи другого рода вдохновляют меньше. «Есть на волжских высотах знаменитый завод, там в железных пролётах людный митинг идёт» – беглая, сухая информация. Складывая нарочито торжественные строки или создавая лирический репортаж, поэт становится неубедительным. (Это, кстати, стало заметно уже во второй его книге «Новые встречи»). Пышная фраза прячет бедность мысли. О Родине поэт пишет: «тебе к лицу зимой – зима, весной – весна и летом – лето» – это очевидно и не является поэтическим открытием Межирова. Поэзия Межирова поражает самостоятельной силой только в том случае, если раскрывает сюжет – прочувствованный и творчески пережитый.

А «чистая» лирика, любовная, сердечная? Она у Межирова не очень примечательна. Некоторые стихи производят впечатление надуманных. Другие, может быть, вполне искренни, но странно прозаичны не по форме, а по существу. Герой расстался с женщиной, забыл даже имя её и отчество, «куда глаза глядят» бежал от придуманного ею убогого уюта. Этой истории – довольно шаблонной – Межиров придаёт чуть ли не философский смысл. «Видно, бытом ты была, жизнью не была ты», – заявляет герой своей подруге. Если в жизни что-то сложилось неудачно и непоэтично, зачем искать высоких оправданий в стихах? Об этом нужно рассказать вдумчиво или, может быть, не рассказывать совсем.

Некоторые стихотворения, о которых шла речь, появились в печати уже несколько лет назад, но поскольку поэт включил их в сборник, очевидно, они не целиком принадлежат прошлому, по ним можно судить и о настоящем. Будущее же, конечно, трудно предугадывать. «Возвращение» – неровная книга. В ней нет чётких контуров единой поэтической темы. Межирову предстоит обрести её вновь – такую же захватывающую, какой была для него тема войны. Его поэзия не сможет жить без сильных «впечатлений бытия». Наиболее верный для Межирова путь – скорее всего путь сюжетной поэзии, оваянной взволнованным лирическим дыханием. В этом убеждали ещё первые его стихи: их пафос был рождён драматизмом событий. Межиров – поэт, который жизнь ощущает прежде всего как действие, как борьбу.

Павел Нилин, повесть «Жестокость»

Самоубийство Веньки Мальшева, героя повести П.Нилина «Жестокость», одновременно неожиданно и закономерно. Оно подготовлено ходом событий и логикой отношений, но его не могли предугадать ни читатели, ни близкие Веньке люди. Может быть, сам герой не знал о нём за минуту до того, как выстрелил себе в висок. Это – редкое в искусстве и трудное решение: кульминация скрыта до последнего момента, но развёрнута с непреложной убедительностью. Самоубийство Веньки обнаруживает значение некоторых мотивов повести, которые казалась почти случайными. Можно было бы назвать их трагическими. Однако поступок героя не вызван неизбежностью. Он справедливо осуждён товарищами Веньки и автором повести. Он не разрывает противоречий – напротив, он затягивает их ещё сильнее.

Герой оставляет поле боя противникам, которые не имеют права им владеть.

Повесть входит в цикл «Подробности жизни»; она рисует не трагическую коллизию, а жестокие подробности. Их внутренний смысл становится ясным только в финале. Вначале определение «подробности» воспринимается почти буквально: жанровые зарисовки, психологические наблюдения. Они поданы без претензий. Их своеобразие в том, что они увидены свежими глазами. О жизни маленького сибирского городка в начале двадцатых годов рассказывает восемнадцатилетний комсомолец. Работа сотрудника уголовного розыска стала для него привычной. Ему, конечно, по-человечески знакомы и тревога и страх; однако опасность, а может быть, и гибель представляется ему естественными условиями службы. Он не склонен их героизировать. Борьба с бандитскими отрядами и наивная любовь к незнакомой девушке Юлии для него равноправные, не противоречащие друг другу стороны жизни. В образе Веньки и в образе его друга, от лица которого ведётся повествование, мужская суровость и скрытность слиты с мальчишеской мечтательностью и чистотой. Первые комсомольцы глухого уезда, где атаман бандитов объявил себя «императором всея тайги», живут сложной, напряжённой жизнью. Однако сами они не замечают необычности своего положения. Непосредственный взгляд рассказчика отмечен способностью открывать незнакомые оттенки явлений. Бытовые подробности в повести Нилина приобретают весомость и остроту.

Например, казалось бы, совсем мало говорится в повести о нэпе. Только мимоходом возникает фигура Долгушина, владельца ресторана «У медведя», угодливого, подбострастного, втайне ненавидящего комсомольцев, которые ходят к нему в ресторан, скрывая своё смущение за презрительным отношением к хозяину. Долгушин показан непредвзято, мельком, но роль и положение нэпмана в классовое борьбе тех лет раскрыты в этом образе отчётливо.

Повесть не рассказывает подробно о работе комсомола. Только однажды герои приходят на собрание в «сумрачный и тихий» клуб, где человек сорок – все комсомольцы города и уезда – обсуждают судьбу Егорова, который, на беду свою, участвовал в крестинах. Да ещё герои загадывают о будущем, о социализме и о своём месте в будущем, да ещё Венька в решающие минуты напоминает товарищу об ответственности комсомольца за всё и за всех, да ещё письмо своё к девушке, которую любит «неотвратно... тревожно и горестно», тот же

Венька кончает словами «с комсомольским приветом». Но и из частных подробностей складывается картина.

В отсутствии внешней живописности, в подчёркнуто обыденной интонации рассказа – секрет его достоверности. Бандиты на допросе закуривают, «благодарно почёсываются»; они похожи на усталых ямщиков. «Степennyй дедушка с блестящей, голой, словно намазанной маслом, головой и с жидкой седенькой бородкой» оказывается бандитским «связником», «молодая румяная женщина в пёстрой косынке, натянутой на самые брови, под которыми смеются дерзкие глаза», – любовницей бандитского атамана. Все подробности жизни просты, но все они значительны и драматичны.

В «Жестокости» они имеют несколько иной смысл, чем в предыдущей повести того же цикла – «Испытательном сроке». Там Нилин был щедрее. Атмосфера времени интересовала его и сама по себе. Он раскрывал её во множестве ярких деталей. Внутренние противоречия героев начинались лишь исподволь – в незаметных чёрточках поведения людей, в незначительных, казалось бы, оттенках их взглядов. Конечно, контраст между Зайцевым и Егоровым – героями «Испытательного срока», стажёрами губернского уголовного розыска – строился не только на несходстве их характеров, но и на противоположности мировоззрений. Однако выявлялся он пока ещё только в мелочах, отчасти в спорах Зайцева с руководителем стажёров Журом, но не в прямом столкновении. «Пусть они потом поссорятся, будут сильно и непримиримо враждовать», но на страницах повести они ещё друзья. Конфликт ещё не развернулся, поэтому бытовые подробности в «Испытательном сроке» могли иметь самостоятельный смысл. В «Жестокости» они строго сведены к центру, сюжетному и идейному.

Если в «Испытательном сроке» небогатая фабула – история испытания двух стажёров – развивалась непринуждённо и открыто, то в «Жестокости» она связана не вполне ясными даже рассказчику «тонкими и трепетными нитями». Их держит в руках Венька Малышев, задумавший «опасное и неожиданное дело». Эти нити ведут к Лазарю Баукину. В интриге повести он главное действующее лицо. Он появляется лишь в нескольких эпизодах, но в разговорах и мыслях героев он присутствует постоянно. Лазарь – самая большая удача Веньки и одновременно его трагедия. Лазарь – враг бесстрашный и неукротимый. Рассказчику запомнились его «небольшие прищуренные медве-

жьи глаза», которые «светились яростью». Он вызывает ненависть у всех сотрудников уголовного розыска, прежде всего у начальника. Только Венька относится к нему со странной приязнью и вниманием. Венька заставил Лазаря задуматься. Он подвёл Лазаря к решению, нелёгкому для него, но неизбежному. Кавалер четырёх георгиевских крестов, обманутый офицерами и попами, колчаковец, хладнокровный убийца, на груди у которого татуировка «Смерть коммунистам», но, кроме того, бедный крестьянин, смолокур и охотник, Лазарь начинает понимать бессцельность и несправедливость дальнейшей борьбы с советской властью. Когда ему удалось бежать из заключения, он не присоединился к банде, но «но доброму сговору» с Венькой задумал и осуществил поимку «императора вся тайги» Кости Воронцова. Повесть приглушённо, опуская многие звенья, рассказывает об этой операции, о том, как Венька ночью, в метель является к невесте «императора» Кланьке Звягиной, как почти против воли она становится участницей заговора, как, «презирая опасность», Венька неотступно следует за Лазарем и его товарищами по топким таёжным тропам, напоминая им о себе и об общем их деле, о том, наконец, как летним утром в доме у Кланьки Лазарь при помощи других людей, который вчера еще были бандитами, взял Костю Воронцова, человека с лицом богатого купца или молодого священника, «атамана одной из самых крупных банд, отличавшейся особой свирепостью». Сюжет повести полон скрытой напряжённости. Автор вводит в действие социальные и психологические мотивы, которые звучат проникновенно, хотя о классовый борьбе в деревне и до Нилина писали много и хорошо. Портреты Лазаря, Кости Воронцова, Кланьки – беглые, неразвёрнутые, но они передают и социальный тип и психологическую светотень. Нилин мог бы ограничить содержание повести рамками сюжета. Поимка бандитского главаря могла бы стать финалом. Совесть и в этом случае имела бы художественный вес. Однако Нилин пошёл дальше.

Явный конфликт повести проявляет ещё и глубоко затаённые противоречия. Для автора и для Веньки они становятся в результате даже более важными, чем борьба с бандитами, исход которой предрешён. На последних страницах повести неожиданно роковую роль сыграли люди, почти не участвовавшие в развитии действия, казавшиеся персонажами второстепенными, даже жанровыми. Символическое значение получила, например, жалкая фигура Якова Узелкова.

Узелков – антипод Веньки. Дело даже не в том, что Венька – сильный, молчаливый и смелый, а Узелков – тщедушный хвостун и пустозвон. Важно другое: Венька – романтик, Узелков – приспособленец. Венька – один из тех людей, которые даже маленькие свои поступки, даже интимные желания и настроения меряют высокой меркой революции. Требования долга приобрели для него обязательность безусловного рефлекса. По натуре порывистый, он удивляет своей выдержкой. Он чувствует сильнее других, но скрывает свои чувства лучше, чем другие. Лишь унижение и стыд он не сумел перенести. Юноша, выросший в захолустье, прочитавший мало книг, ежедневно сталкивающиеся с грязными, низменными и жестокими сторонами жизни, «хитрый и даже грубый», он полон возвышенной веры в социализм и в человека. В этом он противоположен Узелкову. Узелков и Малышев – исконные враги.

Веньку характеризует рассказчик – его подчинённый и друг. Он относится к Веньке, как младший брат к старшему. Они единомышленники, но общие их убеждения Веньке дано сильнее выразить и полноценнее воплотить. Нилин использовал точный литературный прием: поручив рассказ верному другу Веньки, он показал и близость рассказчика Малышеву и различие между ними. Друг Веньки сомневается там, где Венька действует. Он склонен заботиться о себе там, где Венька думает о других. Оба они любят одну девушку – Юлию, но лишь для Веньки она стала судьбой. Тонкое различие между этими двумя характерами во многом объясняет непримиримость конфликта Веньки и Узелкова.

Корреспондент губернской газеты, высокомерный и нахальный невежда, который кичится своим образованием, Узелков – человек никчёмный. Его претензии не подкрепляются его возможностями. Поэтому он так охотно прикрывается цитатами и лозунгами, ссылками на превратно толкуемую «высшую необходимость». Он как бы слагает с себя ответственность. Беспринципность он хотел бы оправдать интересами читателя, газеты, общества, комсомола. Он принимает заповедь «всё дозволено», как и формулу «цель оправдывает средства». Он высокопарно лжёт в своих статьях, равнодушно собирается потопить комсомольца Егорова, непоправимо больно ранит Веньку. Низкопробный фельетонист носит маску передового общественного деятеля.

Его «любимый образ» – мадам Бовари. Он считает себя непонятой натурой, «истинно мыслящим человеком», оказавшемся в обществе пошляков и вандалов. Кстати, образ Бовари «особенно увлек» и Юлию. Характер Юлии в повести только слегка намечен. Может быть, это намеренная недосказанность: Юлия – прекрасная мечта, Венька полюбил её ещё до того, как узнал, Юлия – прекрасная «далёкая возлюбленная». Все же то, что о ней известно, позволяет думать, что её романтизм не «романтика» Узелкова. Для Узелкова роман Флобера мог стать тайным оправданием аморальности, для Юлии – призывом к достойной и поэтичной жизни. Близость Узелкова и Юлии мнимая. По-настоящему, Узелков близок лишь начальнику уголовного розыска, хотя до поры до времени это и было незаметно.

Что же роднит между собой таких несхожих, таких, казалось бы, далёких друг от друга людей?

В разных обликах и аспектах в повести проходит тема правды. То, что Узелков приукрашивает её в статьях, может быть, и мелочь. Однако характерно – Венька возмущён этим, а начальник угрозыска одобряет. И начальник, и Узелков верят в спасительную благовую ложь. Венька отстаивает трудную, но правду. Узелков считает возможным исключить из комсомола Егорова, хотя он почти ни в чём не виноват: «Иногда в политических интересах надо сурово наказать одного, чтобы на этом примере научать тысячи». Для Веньки это «жульнические приёмы». Начальник использует их охотно. Когда Лазарь взял бандитского атамана, начальник задумал преподнести это как достижение милиции, как своё достижение. Веньку он решил наградить, «Узелкову все рассказать в своих красках», «а Лазаря и других вывести в расход». Начальник своекорыстные поступки оправдывает ссылками на «высшую политику». «Он стремится поднять авторитет Советской власти», – внушительно разъясняет Голубчик. Венька не принял этих рассуждений – он покончил с собой.

Другой мотив самоубийства Веньки лишь оттеняет решающий и главный. В письме к Юлии Венька признался в неловкой для него правде. Иначе он не считал возможным поступить. Юлия сочла эту правду ненужной и оскорбительной. Письмо попало к Узелкову, «и он ударил Веньку... по самому сердцу...».

Узлы затянулись так крепко, обстоятельства сложились настолько серьёзно, что самоубийство стало возможным. Конечно, Венька подчинился не разуму, а порыву. Конечно, он мог бы и должен был поступить иначе. Но порыв его глубоко обоснован.

Правда – не отвлечённая категория. Это и вера в народ, и совесть коммуниста, и энтузиазм комсомольца. Правда – вместительное, ёмкое понятие. Правда – это и справедливость. Для Веньки Советская власть – самая правдивая и справедливая, она не нуждается в украшивании, она самая сильная. Врать – значит бояться; это доказывают и начальник и Узелков. Оба берегут своё положение, оба хлопочут о своих успехах. Они не считают с тем, что справедливости заслуживают и Егоров и Баукин, что справедливость не разделяется на большую и маленькую. Узелков упрекает Веньку за его человечность, называя её «христианской моралью». Парадоксально, что нелепый Узелков бросает этот упрёк бесстрашному Веньке, парадоксально, но симптоматично. Фальшивая демагогия – орудие таких, как Узелков. Начальник тоже любит напомнить, что только он властен рассуждать, должность заменяет ему аргументы. Узелков и начальник хотели бы присвоить себе право говорить от имени народа. В «Жестокости», как и в «Испытательном сроке», ведётся спор об истинном и ложном понимании гуманизма. Не всегда побеждает тот, кто прав. Венька выручил комсомольца Егоров, но он не смог спасти ни бывшего бандита Лазаря, ни себя. Это печальная утрата, это тяжёлый укор, это и отступление. «Но заполнилось мне особенно крепко... – признается рассказчик, – как бодро шёл после похорон Узелков рядом с нашим начальником». «Я все время думаю о Веньке, о том, что, если бы ему пришлось сейчас увидеть Узелкова, он сам бы не простил себе этой минутной слабости».

Разная бывает жестокость. «...бывает по-всякому», – говорит Венька, оглянувшись на окна дома, где осталась любовница пойманного атамана бандитов. Борьба всегда жестока, тем более классовая борьба. Другое дело, когда Голубчик убивает пятнадцатилетнего мальчишку – бандитского адъютанта, из которого можно было бы сделать «просто мирового парня». Это жестокость неоправданная и ненужная. Но самое губительное и страшное, утверждает Нилин, – жестокость обмана, несправедливости.

Так жестокие подробности повести наполнились обобщённым смыслом. Повесть рассматривает проблему, важную не только для тех лет, когда происходит действие «Жестокости», но имеющую и принципиальное значение. Поступки начальника угрозыска и Узелкова противоположны гуманистическим принципам. Их «теоретические» обоснования не имеют ничего общего с марксистским политическим разумом. Неблаговидная основа и «теории» и практики этих «деяте-

лей» исследована писателем тщательно. Поэтому повесть, рассказывающая, казалось бы, о частном случае, утверждает в то же время ведущие идеи общества, литературы – подлинный гуманизм и справедливость. Верный и точный исторический колорит «Жестокости» не мешает восприятию её главного внутреннего мотива. Спокойная обстоятельность повести лишь оттеняет её высокую одухотворённость.

В произведении Нилина своеобразный эстетический строй. Конкретность описаний и характеров освещена развитием внутренней темы. Выразительность мысли выводит повесть из бытового круга, но живые детали и даже юмор мешают ей стать сухой. «Жестокость» поражает своей атмосферой, насыщенной тревогой и тайной, раздумьем и страстью, но переданной в манере неторопливого безыскусного сказа. Повесть во многом следует традиции классической новеллы: она ещё раз демонстрирует преимущества острого сюжета, реалистической точности и «подводного течения».

Конечно, классическая форма воспринята Нилиным не полностью. Нилин вводит публицистические диалоги и отступления: он стремится выразить больше того, что заключено в событиях и героях. Рассказчик и Венька высказывают мысли, которые кажутся в из устх слишком философичными, – так нарушается порой единство стиля и психологическая закономерность. Конечно, это ощутимый недостаток. Однако, он вполне понятен, он обратная сторона достоинств. Нилин хочет прояснить до конца то, что представляется ему важным. Он предпочитает повториться, нежели недосказать. Что ж, в конце концов, это оправдано его настойчивым стремлением к правде.

Юрий Нагибин, сборник рассказов «Человек и дорога»

Юрий Нагибин выпустил немало сборников рассказов, и каждый из них, разумеется, чем-то отличался от предыдущего. Но последняя книга писателя во многом кажется не похожей на остальные. Прежние сборники Нагибина выстраивались в ряд, «Человек и дорога» стоит несколько особняком.

Конечно, цельность книги, объединяющей одиннадцать самостоятельных новелл, относительна, условна. В книге есть рассказы, которые по смыслу и по мастерству уступают ранее опубликованным произведениям Нагибина; то, что открывает «Человек и дорога» в его творчестве – творчестве, казалось бы, достаточно определённом, устоявшемся, – демонстрируют не все рассказы, включённые в книгу. И все же сборник вносит новые черты в знакомый портрет писателя.